

²¹ Там же. С. 86.

²² Там же. С. 87.

²³ Там же. С. 91.

²⁴ Там же. С. 92 – 93.

В. Н. Финогентов
г. Уфа

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА (О СТРАТЕГИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

Трудно кратко говорить о ценности науки, о той роли, которую играет и может играть наука в жизни современного человека и общества, настолько эта роль фундаментальна и многолика. Здесь легко упустить главное, легко уйти в частности, в иллюстрации. Чтобы не упустить самое существенное, я воспользуюсь здесь очень емким понятием. Имеется в виду понятие культуuroобразующей функции науки. В сочинениях антисциентистски настроенных авторов подчеркивается, что наука либо потеряла культуuroобразующую функцию, либо вовсе ее не имела. Степень истинности этого суждения определяется тем, как понимать культуuroобразующую функцию. Если рассуждать в духе тех, кто отрывает друг от друга культуру и цивилизацию (культура, по их мнению, антропогенна, она представлена искусством, религией, философией; цивилизация, полагают они, техногенна, она представлена наукой, техникой, технологией), тогда, конечно, следует говорить лишь об опосредованном воздействии науки на культуру. Если же исходить из единства и взаимопроникновения культуры и цивилизации, то отрицать культуuroобразующую функцию науки совершенно недопустимо. Так, например, можно отрицать способность науки создавать целостное мировоззрение (мировоззрение — это фундаментальная составляющая культуры), но невозможно отрицать значимость формируемого на основе научных знаний знаниевого компонента мировоззрения современного человека. Таким образом, вполне правомерно говорить о мировоззренческой функции науки, то есть о существенном вкладе науки в формирование индивидуального и общественного мировоззрения. Совершенно очевидно наличие у науки познавательной функции. Наличие этой функции вытекает из характера основной цели, стоящей перед наукой. Эта функция в свою очередь может быть рассмотрена дифференцированно. Я имею в виду то обстоятельство, что познавательная функция представляет собой единство функций описания, объяснения, понимания, прогнозирования и т. п. В тесной связи с мировоззренческой

и познавательной функциями науки находится образовательная функция науки. Роль науки в формировании современной системы общего и профессионального образования, ее вклад в содержание современного образования трудно переоценить. В предлагаемом материале обсуждается вопрос о присутствии науки и других секторов культуры в системе современного образования.

Российская система образования радикально трансформируется. В связи с этим актуализируются вопросы о сущности образования, о стратегии и целях реформирования российской системы образования, об адекватности нашей нынешней системы образования вызовам современности.

Характер этих изменений определяется разными авторами различно: реформирование, модернизация, деградация. Видимо, все эти определения в некоторой мере и в некоторых отношениях справедливы. Нынешние изменения в российской системе образования вызваны, на мой взгляд, преимущественно внешними по отношению к ней факторами: радикальными преобразованиями политической, экономической и духовной сфер жизни общества, информатизацией общественной жизни, стремлением России войти в европейское образовательное пространство и т. п.

Чтобы в процессах изменения системы образования не возобладали негативные тенденции, ее преобразование должно осуществляться на фундаменте понятной и признанной обществом стратегии. Важные элементы такой стратегии содержатся в Законе Российской Федерации об образовании и в Законе Российской Федерации о высшем и послевузовском профессиональном образовании. Интересные для реформы российской системы образования концептуальные обобщения представлены в документах, принятых в рамках Болонского процесса. Тем не менее, говорить о наличии целостной и последовательной стратегии трансформации российской системы образования, стратегии гуманистической и адекватной вызовам, с которыми столкнулась Россия на современном этапе ее развития, на мой взгляд, пока еще рано. Позвольте поделиться некоторыми размышлениями и предложениями в связи с разработкой такой стратегии.

Полагаю, что при этом необходимо «начать с самого начала»: с определения сущности образования и его места в системе культуры. Следует иметь в виду то, что сущность образования можно понимать по-разному. Так, например, с религиозной (христианской, в частности) точки зрения, образование — это развертывание в действительность потенциально заложенного в каждом человеке образа Божия.

Для многих теоретиков образование — это приобщение человека к наиболее важным знаниям, накопленным человечеством, это формирование у него умений и навыков, необходимых в жизни и трудовой деятельности, это профессиональная подготовка. Ныне (в условиях формирующегося информационного общества) образование все чаще понимают как обучение умению находить нужную информацию, преобразовывать и использовать ее для достижения социально приемлемых целей.

Моя позиция при осмыслении фундаментальных проблем образования основывается на следующих простых тезисах: 1) человек — это творение культуры; 2) система образования — это важнейший компонент культуры, сущность которого состоит в трансляции культуры от предшествующих поколений последующим, в развитии культуры; 3) фундаментальная задача образования — это приобщение человека к культуре, «укоренение» человека в культуре, превращение его в хранителя и творца культуры.

Исходя из этого, я полагаю, что роль главного, стержневого принципа построения современной системы образования, в том числе высшего образования, мог бы сыграть принцип сообразности образования культуре. Суть этого принципа можно сформулировать следующим образом: образование (его содержание, его организация, его осуществление) должно быть сообразным культуре, оно должно соответствовать не какому-либо одному (даже очень важному, например, науке или религии) сектору культуры, а культуре как целостности, как системе духовных и материальных ценностей.

Такая общая формулировка, конечно, порождает вопросы. Как говорят, *дьявол сидит в деталях...* Может ли образование не быть сообразным культуре? О сообразности *какой* культуре идет речь, когда мы говорим о сообразности образования культуре? Вопросы вполне естественные и, самое главное, очень не простые.

Сложность этих вопросов обусловлена и тем, что специалисты — философы, социологи, культурологи — до сих пор не пришли к единому пониманию культуры, и тем, что культура многоуровневая и многокомпонентная, и тем, что, несмотря на процессы глобализации, существует множество национальных культур, и тем, что все культуры пахотятся в развитии. Поэтому, конечно, сформулированный мной в общей форме тезис о культуросообразности образования требует расшифровки, развития, детализации. Я не имею возможности здесь решать эту задачу в полном объеме. Отмечу только несколько существенных моментов.

В некотором смысле образование всегда сообразно культуре. Но эта сообразность может быть частичной и деформированной.

Дело в том, что система образования может уделить непропорционально большое внимание одним компонентам культуры и проигнорировать другие (существеннейшие) ее компоненты. Я мог бы привести сейчас множество примеров той буквально духовной пищи, которую демонстрируют люди с высшим (!) образованием в сфере искусства, мифологии, религии, языка, истории...

Говоря о стратегии развития российской системы образования, необходимо, прежде всего, иметь в виду то обстоятельство, что российская культура сама стремительно изменяется. И если мы желаем, чтобы система образования соответствовала (была сообразна) не каким-то сиюминутным явлениям и поверхностным слоям культуры, а глубинным тенденциям развития российской и мировой культуры, то мы должны понять характер изменений нашей культуры. Моя точка зрения на этот предмет, если говорить в самом общем плане и отвлечься от несущественных для нашей темы обстоятельств, такова. Российская культура совершает закономерный переход от моноцентрического типа к полицентрическому. Моноцентрическая культура характеризуется, как видно из названия, наличием одного центра, из которого «излучается» все остальное, все другие компоненты культуры. Рассмотрение истории культуры показывает, что в прошлом культура в России (и не только в ней) была религиозноцентрической, т. е. в качестве единственного ее *центра* выступает религия. Понятно, что в обществе, культура которого является религиозноцентрической, образование детерминировано, определено именно религией.

Однако религиозноцентричность — это преходящее состояние культуры. В Западной Европе, начиная, по крайней мере, с XVII века, формируется культура иного типа. Политика, экономика, право, искусство, образование, наука, техника выходят из под определяющего влияния религии, обретают все более значительную степень самостоятельности. На смену всеобщему стремлению к царству Божию, на смену массовым эсхатологическим ожиданиям приходят стремление к благополучной и счастливой жизни на Земле. Особые надежды общество теперь связывает с развитием науки. Ее оценивают как всемогущую, как способ решения всех проблем, встающих перед человеком и человечеством. Наука, убеждено такое общество, ведет и приведет человечество к Истине, к Справедливости, к Свободе, к Счастью. В таком обществе, иначе говоря, формируется своеобразное культовое, почти религиозное отношение к науке. Конечно, назвать такое общество наукоцентричным было бы неверным. Наука никогда в действительности не была фундаментом культуры, никогда не определяла все остальные сек-

тора культуры. Но направленность переходного общества к наукоцентричности, несомненно, имела место.

Важно отметить, что центральное положение науки в общественной жизни подчеркивают и в наши дни вполне уважаемые, современные исследователи, а также общественные и государственные деятели. Так, например, премьер-министр Великобритании Тони Блэр в великолепной речи в Королевском научном обществе «О значимости науки» утверждает: «Наука — это центральная, а не отдельная часть нашей общей культуры наряду с искусством, историей, общественными и гуманитарными дисциплинами».

В таком обществе, фундамент культуры которого, по мнению многих, образует наука, которое стремится к выстраиванию общественной и частной жизни на научной основе, система образования, естественно, сориентирована преимущественно на науку. Характеризовать такое общество как наукоцентрическое, на мой взгляд, явно неправомерно. Но для характеристики системы образования этого общества как наукоцентрической имеются серьезные основания. Главной целью такой системы образования было приобщение к научным знаниям, к технике и технологиям, в основе которых лежат достижения науки, формирование научного мировоззрения и убеждения в непреходящей ценности научной рациональности. Конечно, такая система образования имеет очень много сильных сторон. Однако, чем дальше, тем больше выявлялись негативные стороны культуры и системы образования, сориентированных преимущественно на науку, технику, технологии.

Это привело к тому, что на смену культовому отношению к науке во всем мире, а в России в особенности, ныне приходит все выше поднимающаяся волна антинаучных настроений. Изменившееся отношение к науке многими воспринимается как «закат науки», как сигнал к религиозному ренессансу, как свидетельство необходимости возврата от исчерпавшей себя культуры наукоцентрической к культуре религиозноцентрической.

С точки зрения сторонников такого подхода, российская культура в наши дни возвращается к самой себе: она вновь становится религиозноцентрической. Соответственно, с такой точки зрения, на религиозноцентрический лад следует настраивать и российскую систему образования. На мой взгляд, такой подход неадекватен сути разворачивающихся в России социокультурных процессов. Я убежден, если такая точка зрения станет преобладающей, она поведет нашу систему образования не в будущее, а в прошлое. Я уже отмечал, что религиозноцентричность культуры, как и ее моноцентричность вообще, характерна лишь определенному этапу развития

культуры. Моноцентрическая культура — это только один тип культуры. Другой тип культуры может быть охарактеризован с помощью уже употребленного термина «полицентрическая культура».

Ныне формирующаяся в России (и в основных своих чертах уже сложившаяся на Западе) культуру следует характеризовать как принципиально полицентрическую. В такой культуре нет, не может и не должно быть одного-единственного центра. В такой культуре различные сектора культуры относительно автономны и выполняют специализированные функции. Признание полицентрического характера современной культуры означает, в частности, признание неправомерности диктата одного сектора культуры по отношению к другим. Это означает также признание представителями каждого сектора культуры — науки, религии, искусства и т.д. — правомерности относительно самостоятельного существования и развития других секторов культуры и необходимости установления долговременных отношений с другими ее секторами при одновременном прояснения своей собственной сущности и сущности других секторов культуры.

Если предположить, что в России идет формирование полицентрической культуры, тогда из принципа культуросообразности образования следует, что современная система образования может быть выстроена только на пути преодоления моноцентричности (в частности на пути преодоления наукоцентричности) образования. В современной системе образования должны сбалансированно присутствовать все сектора культуры.

Второй момент, который следует учитывать, когда мы говорим о культуросообразности образования, заключается в необходимости учета многоуровневости культуры. Видимо, речь должна идти о сложной системе ценностей, образуемых как минимум четырьмя взаимосвязанными уровнями культуры: региональном, национальном, российском, мировом. Ни один из этих уровней не должен быть проигнорирован системой образования. В каких объемах и в каких пропорциях должны присутствовать эти уровни в системе образования, могут определить только эксперты, осуществляя конкретный анализ конкретной ситуации. Очевидно одно: недопустимо, чтобы главным регулятором системы образования — важнейшего компонента культуры — был рынок, тем более такой, какой мы наблюдаем в нынешней России. Конечно, рынок — это реальность, но основную роль в регулировании системы образования все-таки должны играть собственно культурные детерминанты, прежде всего, нравственно-правовой разум и традиции.

Разумеется, Россия, российская система образования не может не откликнуться в той или иной форме на развертывающиеся в наши дни процессы глобализации. Поэтому стремление России войти в европейское и мировое образовательное пространство заслуживает всяческой поддержки. Да и в сформулированном выше принципе сообразности образования культуре содержится требование соответствия нашей системы образования мировой культуре. Тем не менее, теория и практика вхождения российской системы образования в европейское образовательное пространство порождает вопросы и опасения. В частности, я подчеркиваю значимость принципа сообразности образования культуре именно потому, что идеологи Болонского процесса склонны абсолютизировать роль такого компонента культуры как знание. Так, они неоднократно указывают (см.: Коммюнике встречи европейских министров, отвечающих за образование, Прага, 19 мая 2001 г.; Коммюнике конференции министров, ответственных за высшее образование, Берлин, 19 сентября 2003 г.), что будущая Европа строится как общество и экономика, основанные на знаниях. Именно стратегия построения общества и системы образования, основанных на знаниях, лежит и в фундаменте идеи унификации систем высшего образования в различных странах Европы, предлагаемой инициаторами Болонского процесса. Можно сказать, что в данном случае мы имеем дело со стратегией, главным принципом которой является принцип сообразности образования знаниям (научным знаниям в первую очередь). Правда, сами идеологи Болонского процесса говорят о ценности разнообразия национальных образовательных систем. Но гораздо более настойчиво они отстаивают все-таки именно идею унификации этих систем. Учитывая российскую склонность к осуществлению экстремистских вариантов социальных трансформаций, следует указать на реальную опасность деградации российской системы образования, если ее реформа будет основываться на принципе сообразности образования преимущественно знаниям, на поспешной «подгонке» нашей системы образования под европейские образцы.

В наши дни требование унификации высшего образования, получаемого в разных странах, становится все более настоятельным. Но знания, и тем более научные знания, не являются, как уже подчеркивалось, единственным и всеохватывающим компонентом культуры. В состав каждой культуры входят и другие компоненты, приобщение к которым также должна осуществлять соответствующая система образования. Я имею в виду, прежде всего, систему духовных ценностей, опыт организации общественной и

частной жизни человека, опыт решениях важнейших мировоззренческих проблем, накопленный в ходе развития данной, российской в нашем случае, культуры. Приобщением к этим ценностям, к этому опыту, без сомнения, должна заниматься система образования нашей страны.

Требование унификации образования должно осуществляться дифференцированно и конкретно. Такая дифференцированность, конкретность может быть достигнута, как мне представляется, на основе развертывания принципа сообразности образования культуре. Понятно, что в наибольшей степени это требование применимо к знаниево-технологическому компоненту образования. Национально-культурное своеобразие в минимальной степени проявляется применительно к естествознанию, однако применительно к социальным, гуманитарным, культурологическим, искусствоведческим, религиозоведческим, языковедческим дисциплинам национально-культурное своеобразие проявляется уже весьма отчетливо. И, конечно, в этой сфере унификация образования возможна лишь в строго заданных пределах и в каких-то специфических формах. Особо хотелось бы отметить такую дисциплину как философия. Очевидно, что философское образование с большим трудом поддается унификации, поскольку философия пронизана своеобразием национального языка, вырастает на почве национальной культуры.

В свете принципа сообразности образования культуре еще одним основанием тенденции к унификации образовательных систем различных стран (помимо знаниево-технологической составляющей) являются общечеловеческие ценности, которые в своеобразной форме представлены в культурах этих стран. Без сомнения, приобщение учащихся именно к общечеловеческим ценностям (истина, свобода, справедливость, добро, красота, милосердие, любовь) является важнейшей задачей современного образования, в какой бы стране оно ни осуществлялось. На приоритет общечеловеческих ценностей, кстати, указывает и Закон Российской Федерации об образовании. Понятно, что сказанное не следует понимать как приращение значимости в образовании национального и регионального компонентов. Напротив, пафос моего подхода в значительной мере и состоит в подчеркивании необходимости учета самоценности каждой национальной культуры, в указании на недопустимость похищения модернизации образования как его вестернизации, в разъяснении пагубности стремления к достижению единообразия систем образования за счет исключения из них национально-культурного своеобразия. Приобщение к общечеловеческим ценностям совсем не противоречит приобщению к националь-

пой культуре хотя бы потому, что эти ценности составляют фундамент всякой национальной культуры.

Однако необходимо отчетливо осознавать, что в плане представленности в системе образования национально-культурного своеобразия российское образование могут поджидать свои опасности. Они связаны с реальной возможностью преобладания в ней тенденции к самолюбованию и самоизоляции, с проникновением в систему образования и консервацией в ней отживших, архаических элементов культуры. Вопрос о том, какие именно элементы национальной и региональной культуры и в каком объеме должны быть представлены в системе российского образования, является очень непростым. Понятно, что этот вопрос должен быть предметом специального исследования.

Коснусь здесь лишь одного аспекта этой проблемы — представленности в российской системе образования такого важного компонента культуры как религия. При этом, разумеется, следует исходить из фундаментальной значимости принципа светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, зафиксированного в Законе Российской Федерации об образовании в качестве принципа государственной политики в области образования. Вопрос о современном истолковании понятия светскости образования в наше время стал чрезвычайно актуальным. Здесь многое пуждается в прояснении и конкретизации. Очевидно, что принцип светскости образования не тождествен антирелигиозности и внерелигиозности образования. Государственная образовательная система, конечно, не должна заниматься пропагандой и агитацией в пользу того или иного религиозного направления, тем более — вовлечением в те или иные религиозные сообщества. Государственная образовательная система должна, по моему убеждению, давать объективные знания о происхождении, сущности и функциях религии, о месте и значимости религии в культуре, о сильных и слабых сторонах религиозного мировоззрения, о той роли, которую различные религиозные организации играют в современном мире. Религиоведческий материал должен быть в адекватной мере представлен в программах учебных дисциплин. Достижение этой адекватности возможно, на мой взгляд, только на основе прояснения характера взаимоотношений религии и науки.

Существует четыре модели их взаимоотношений: конфликт, независимость, диалог и интеграция (синтез) (см. об этом [1]). По всей видимости, наиболее подходящими моделями взаимоотношений науки и религии в плане определения представленности рели-

гии в системе современного образования являются модели независимости и диалога. Модель независимости, упрощенно говоря, исходит из того, что у науки и религии принципиально различны предметы, задачи и т. д. Наука стремится ответить на вопрос: как устроен мир? Религия же, по убеждению ее сторонников, указывает человеку путь спасения. Эта модель указывает на неправомерность вмешательства науки в пределы компетентности религии, с одной стороны, и на неправомерность вмешательства религии в пределы компетентности науки. Модель диалога учитывает, во-первых, то обстоятельство, что и наука, и религия являются феноменами культуры, а потому объективно не могут быть полностью независимы друг от друга. Во-вторых, эта модель указывает на наличие пограничных вопросов у науки и религии. Такими вопросами являются, в частности, те научные знания и проблемы, а также те религиозные представления, которые непосредственно выводят на мировоззренческую проблематику. По таким вопросам, думается, между представителями науки и религии необходим корректный и взаимоуважительный диалог (см. об этом [2; 3]). В каких-то приемлемых формах этот диалог может быть представлен также в системе образования.

Все эти вопросы, конечно, нуждаются в дальнейшем обсуждении.

1. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М., 2001.

2. Финогентов В. Н. Взаимоотношения науки и религии: (размышления методолога) // Наука и религия в современном мире: необходимость диалога. Уфа, 2004. С. 5 — 11.

3. Финогентов В. Н. Разграничение предметных областей научного знания, религиозных представлений и философских воззрений как принцип современного гуманитарного образования // Гуманитарное образование в информационном обществе. Екатеринбург, 2003. С. 138 — 145.

В. Е. Семенов
г. Санкт-Петербург

ПЕТЕРБУРГ ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПОЛОЖЕНИИ
ФИЛОСОФОВ В КРУГУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ ГОРОДА

В разговоре об интеллектуальных сообществах в Санкт-Петербурге и месте философского сообщества в городе стоит отправляться от очевидного факта присутствия философского сообще-